

Елена Ямпольская, «Новые Известия»

Пелевин и Простота

Виктора Пелевина почему-то любит молодежь. Вернее так. Виктора Пелевина почему-то любит только молодежь. Численность его продвинутых почитателей в старшей и даже средней возрастных группах ограничивается единицами и свидетельствует, скорее, о феноменальной душевной свежести отдельных индивидуумов, нежели о победном броске Пелевина за границы своего поколения.

У Пелевина отчего-то не бывает читателей без «по». Почитатели — вот кто образует вокруг него не великое, но сплоченное и на редкость заинтересованное кольцо. Есть люди, читающие Пелевина в захлеб и с истинным наслаждением; есть люди, Пелевина в принципе не читающие (неудавшийся пробный опыт не в счет). Но нет таких, кто обращался бы к его книгам время от времени, случайно, ради культурного досуга; кто, цени «Омон Ра», не заинтересовался бы «Жизнью насекомых», увлекшись «Чапаевым и Пустотой», не вернулся бы запоздало к «Желтой стреле», а перемусолив все упомянутое по нескольку раз, не рванул бы в ближайший книжный магазин, узнав о выходе «Generation «П».

Пелевина можно воспринимать исключительно целиком. Он претендует на абсолютное доверие. А доверчивость — качество юных.

«Вагриус», вероятно обладающий эксклюзивными правами на всю продукцию, выходящую из-под пелевинского пера (то бишь лезущую из его принтера), решил, что клиент созрел для первого собрания сочинений. Каким ты там ни будь — «культовым», «виртуальным», «параллельным», а за выслугу лет и по совокупности заслуг на «Избранное», по крайней мере, наработал.

Впрочем, у Пелевина избранное практически равняется полному. Пелевин пишет скупое. Он пишет мало, но когда его читаешь, хочешь, чтобы он писал больше.

Трехтомник, выпущенный «Вагриусом», не снабжен ни вступлением, ни послесловием, ни фотографическим изображением автора. Более того, тома даже не пронумерованы: ярлычки с расчетом на первый — второй — третий приклеивались уже в магазине ради удобства покупателя. Отличия можно обнаружить только на обложках. Там воспроизведен хрестоматийный плакат времен гражданской войны, но вместо красноармейца на фоне дымящихся заводских труб застыл дикого вида молодой человек, какой-то Внутренний Монгол, с красивым скуластым лицом и рваными вихрами под пехотинским беретом. Выставив вперед характерную комбинацию из двух пальцев, он поочередно поднимает вроде бы синонимически, но на самом деле совершенно разные вопросы: «Ты все осознал?», «Ты все постиг?», «Ты все понял?». Осознание соответствует ранним вещам Пелевина, постижение — наиболее известным («Чапаев» и «Стреле»), под слоганом про понимание скрывается «Generation».

Хотя, что касается раннего и позднего, тут тоже все приблизительно: Пелевин написанное не датирует. Его нет во времени. И в пространстве, кстати, тоже. Пелевин — человек-загадка. С ним не удастся встретиться, ему нельзя позвонить, его адрес — не дом и не улица, а сайт в Интернете. Говорят, правда, что материальная оболочка Пелевина в последние годы оказывает предпочтение Парижу... Пелевин не дает интервью, не появляется в телевизоре. Литинститутские педагоги помнят, что студент с такой фамилией у них был, но подробности — как отрезало. Чернявый он или белавый, крупный или тщедушный, стройный или сутулый, женатый или холостой — все это проще угадать, чем выяснить. С возрастом несколько определеннее: принято считать, что Пелевину чуть больше тридцати пяти.

Образ «писателя-невидимки» — не эпатаж, а умный профессиональный прием и вообще очень экологически чистый способ бытования в литературе. Но попробуйте объяснить это людям, воспитанным сначала на писателях-горланах, потом — на писателях-диссидентах, и в основном ведь, что обидно, — на плохих писателях...

Старшее generation Пелевин раздражает в том числе своей неуловимостью. Нет лица, нет предисловия, нет биографии — не за что уцепиться. За информацией об авторе приходится обращаться к его

текстам. Молодежь делает это с удовольствием, поскольку в поисках Пелевина обнаруживает себя и несказанно этому радуется. Молодость эгоистична и нарциссична. А кроме того — растерянна и беспомощна.

Пелевин всегда будет только нашим писателем. Мы будем взрослеть с ним и стареть, и наши дети, скорее всего, станут пролистывать его с тем же недоумением во взгляде, с каким это делают сейчас наши родители. Пелевин пишет про тех, кто рос даже не на обломках страны, а прямо в момент ее разрушения. (Отсюда обилие советской символики. Детскую память об СССР мы храним, как мешок с игрушками...) Высвобождавшаяся энергия, как бывает при извержении крупного вулкана, зарядила целое поколение (в свободных границах — примерно от 25 до 35 лет) бешеной, но слепой энергией. Подобно гигантскому новорожденному котенку, оно ищет теплый живот, куда можно ткнуться носом, а животы в основном попадают холодные, и от этого в минуты слабости пробирает невыносимый, детский, стыдный страх...

Мы — поколение, которого нет, в котором каждый сам по себе и сам за себя и в одиночку должен противостоять бубнежу про «хаос», «бездвремя» и отсутствие смысла жизни. Пелевин обнаруживает в мире за окном такое количество смыслов, такую насыщенную плотность времени; а странные законы, им выводимые, настолько железно работают (в отличие от законов Аксенова, или Войновича, или даже Маканина); а все его ирреальные фантазии имеют настолько реальную подоплеку (в отличие, скажем, от умозрительных фантазий Сорокина), что «Generation «П» должно бы при жизни отлить ему памятник. За науку не бояться.

Практически все герои Пелевина раздвоены, и это самая здоровая шизофрения, какую только можно себе вообразить. Шизофрения как норма жизни порядочного человека, который не в состоянии избежать диалога с самим собой. Займись собственной головой, советует Пелевин, поскольку все, что происходит в мире, происходит в ней. Ищи себя внутри самого себя, броди по собственным закоулкам и извилинам днем с фонарем, и в случае успеха ты выиграешь сразу все: покой, счастье, красоту, гармонию...

Как правило, к Пелевину предъявляются две основные претензии: а) он пишет чересчур сложно; б) он пишет слишком просто. Между этими двумя поллюсами и лежит подлинный Пелевин. «Сложность» его вполне доступна пониманию нормального человека и носит ярко выраженный иронический характер. Для чтения Пелевина не нужны никакие специальные знания. Образ жизни также роли не играет. Он не «кислотный» автор, поскольку от книги к книге пробивается к максимальной ясности, какая уж тут наркотическая зависимость. И не «интернетный»: виртуальность у Пелевина не замещает реальности, а сливается с ней. Потому что мир един. «Сложность» Пелевина — фантик для его простоты. Пелевин пишет легко и весело и так же читается. Его тексты приятно щекочут мозг и вызывают спокойное, тихое ликование в области солнечного сплетения.

Литературная «простота» Пелевина — тоже прием, а не слабость. Это в лиричном, уравновешенном мире художественная форма может обозначаться, как живая изгородь, — изящно, витиевато и непрочно. Чтобы придать форму миру буйнопомешанному, требуются бетонные заборы. Вы все осознали? Все постигли? Все поняли?..